

УДК 80; 801.73

ББК 83.3; 87.3(2)53-688

Наталья Николаевна Смирнова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы, Россия, Москва, e-mail: nnsmirnova@mail.ru

«Телесность» мысли в системе взглядов Н.Ф. Федорова на язык

Аннотация. Рассматривается система взглядов Н.Ф. Федорова на язык, как она имманентно формулировалась в различных его статьях и заметках, лаконичных, афористичных и фрагментарных. Показана ее архитектура и масштаб и вместе с тем принципиальная незавершенность ее как громадного проекта, открытого будущему. Утверждается, что важная доминанта федоровской мысли – телесность, с одной стороны, противопоставляемая абстракции, уничтожающей явление, в том числе живую языковую реальность, с другой – гипостазизирующая мысль и язык как живое существо. Эта доминанта существенна для понимания культуры рубежа XIX–XX веков и первой половины XX в. (в частности, взглядов В.С. Соловьева на искусство, для понимания творчества А. Платонова). Телесность, вещественность языка и мысли, по Федорову, залог бессмертия материальной жизни. В этом – объяснение особого тяготения Федорова к идеографическому письму, в материи воплощающем мысль как «многое в малом». Акцентируется внимание на том, что мышление Федорова особым образом созвучно поискам нового стиля мышления западной философии рубежа XIX–XX вв. Отмечается, что Федоров возвращает в гуманитарное знание категорию телесного, материального, недостающего мышления, для того чтобы оторваться от поверхности и перейти к самим вещам, сохранившим в своем изначальном положении ростки бессмертия. Подчеркивается, что мысль и ее языковое выражение есть для Федорова символическое обозначение общего дела воскрешения, и в этом она материальна, имеет конкретные очертания, телесность мысли, принадлежит самой жизни, не имеет авторства, не привязана к конкретному сочинению, последовательно ее доказывающему. Делается вывод, что представления Федорова о телесности занимают центральное положение в федоровском проекте, вместе с тем являют собой хотя и целостную, но, подобно понятийным отношениям в языке, незавершенную систему, где каждая мысль предстает как фрагмент, осколок нуждающегося в воссоздании мира.

Ключевые слова: категория телесности в философии Н.Ф. Федорова, идеографическое письмо, инструменты языка, философия общего дела Н. Федорова, феноменология Э. Гуссерля, философия жизни А. Бергсона

Natalia Nikolaevna Smirnova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, PhD in Philology, Senior Researcher of the Department for Theory of Literature, Russia, Moscow, e-mail: nnsmirnova@mail.ru

“Bodiliness” of thought in N.F. Fedorov’s system of views on language

Abstract. The article discusses the system of N.F. Fedorov's views on language, as it was immanently formulated in his various articles and notes, laconic, aphoristic and fragmentary. Architecture and scale of Fedorov's ideas along with fundamental incompleteness as a huge project open to the future are

considered in the article. An important dominant of Fedorov's thought is 'bodiliness', on the one hand, opposed to abstraction that destroys a phenomenon, including reality of human speech, and, on the other, hypostatizing thought and language as organic being. The dominant is essential for understanding culture at the turn of the XIX–XX centuries and the first half of the XX century (for instance, to understand Vladimir Solov'yov's views on the nature of art, the work of Andrei Platonov). 'Bodiliness', corporality, materiality of language and thought, according to Fedorov, is the guarantee of immortality of material life. This is the explanation of Fedorov's special attraction to ideographic writing, what embodies thought in matter as "much in little". Fedorov's thinking is in a special way consonant with the search for a new style of thinking in Western philosophy at the turn of the 20th century. Fedorov returns to humanitarian knowledge bodily, material; humanitarian knowledge lacks this in order to break away from the surface and move on to the things themselves, which have preserved in their original being the seeds of immortality. The article emphasizes that thought and its linguistic expression are a symbolic designation of the common cause of resurrection in Fedorov's system, and in this it is material and has concrete outlines. The organic being of thought, belonging to life itself, has no authorship, has no place in a specific work that legitimizes it. The main conclusion of the article is about the central position of the concepts of corporality, 'bodiliness' in Fedorov's project, that at the same time represent, although an integral, but, like conceptual relations in language, incomplete system, where each thought appears as a fragment, a fragment of the world that needs to be recreated.

Key words: the category of corporality in N.F. Fedorov's philosophy, ideographic writing, language tools, N. Fedorov's philosophy of common cause, E. Husserl's phenomenology, A. Bergson's philosophy of life

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.072-079

Все написанное Н.Ф. Федоровым о языке представляет собой часть большого круга его сочинений, посвященных *Музею* как «торжеству над тяготением». Архитектура федоровской мысли такова, что каждая идея была у него помещена строго на свое, только ей присущее место. В общей системе было уже видно целое здание Музея, ждущее своего воплощения. При этом такая система была вовсе не абстрактной: мысль философа каждый раз рисовала зримые образы, и даже если это были схемы (как, например, «схема-рисунок разрешения антиномии эгоизма и альтруизма»¹), то они имели отчетливый идеографический облик – то, к чему, по Федорову, должно стремиться любое языковое выражение. Таким образом, все понятия в языковой системе существуют в строгой взаимосвязи, и тогда ни одно из них не будет утрачено: каждое присутствует во всей полноте своего бытия и логики сосуществования и связи с другими понятиями². Только так язык и может быть орудием памяти.

Мысль Н.Ф. Федорова как философия общего дела развивается в единственном, обусловленном своей внутренней логикой направлении, нико-

¹ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 346 [1].

² Подробнее о системе взглядов Н.Ф. Федорова как целостности см.: Семенова С., Гачева А. Философ будущего века (личность, учение, судьба идей) // Федоров Н.Ф.: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. С.С. 5–94 [2]. О терминосистеме Н.Ф. Федорова как едином комплексе: Козловская Н.В. Терминосистема Н.Ф. Федорова как объект персональной энциклопедии философа // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 154–165 [3].

гда не отклоняясь, но всегда приходя к конечной цели – воскрешению. В этом ее своеобразное единство. Но это единство – не застывшее, не раз и навсегда найденное, доказанное и остановившееся в своем движении. Развитие федоровской мысли есть отталкивание от иной мысли, с которой она вступает в полемику, тем самым постоянно удерживая баланс в оценивании каждого исторического факта с точки зрения приближения к (или удаления от) идеалу общего дела. Каждый новый факт такого отталкивания представляет собой почти иероглифическое изображение мысли, где каждый отдельный иероглиф свидетельствует о живом языке образов, на котором Федоров говорит об общем деле человечества.

Общеизвестны идеи Федорова о языке, чтении и письме в деле восстановления. Но недостаточно еще обращено внимание на некоторые контексты его мысли, показывающие ее русло и вместе с тем сущностное отличие от современных ему философских идей.

Вот, к примеру, одна из центральных идей Федорова что: *собрание* «памятников борьбы и мира, от книг до простейших орудий», безусловно высвечивающее корни небратского состояния (борьбу), восстанавливает *образы предков* «хотя и такими, какими их сделала внешняя необходимость, но вместе с тем показывается и то, какими они *были бы, если бы не действовало на них давление внешних обстоятельств, такими, какими будут их потомки, если давление внешней необходимости будет устранено*» (курсив наш. – Н.С.)³. Считая братское состояние изначальным, мыслитель призывает, таким образом, вернуться к этому началу, но уже посредством исследования, используя такие инструменты языка, как чтение и письмо. Этот своеобразный вариант призыва вернуться к *самим вещам* можно рассматривать в русле современной Федорову феноменологии Э. Гуссерля и философии жизни А. Бергсона. Сравним: «Нужно было бы взять опыт в его истоках или, скорее, выше того решающего *поворота*, где, отклоняясь в направлении нашей пользы, он становится чисто *человеческим* опытом. Бессилие спекулятивного разума, доказанное Кантом, состоит, быть может, по сути дела в бессилии интеллекта, подчиненного определенным потребностям телесной жизни и примененного к материи, которую надо было дезорганизовать для удовлетворения наших нужд. В этом случае наше познание вещей соответствует уже не основному строю нашего духа, но лишь его поверхностным и приобретенным привычкам, внешней ему форме, заимствованной у наших телесных функций и низших потребностей. Относительность познания поэтому нельзя считать окончательно доказанной. *Разрушая то, что создали эти потребности, мы восстановили бы интуицию в ее первозданной чистоте и вновь соприкоснулись бы с реальностью*», – это слова Бергсона из работы 1896 года «Материя и память» [5, с. 276].

Итак, разрушение действия необходимости и внешних обстоятельств открывает изначальное состояние, критерий которого или реальность (как у Берг-

³ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 432 [4].

сона), или бессмертие. Для Федорова бессмертие как главный критерий работы познания не отменяет личного, относительного характера познания и требует обязательного перехода от «изображения» (книги, произведения) к «оригиналу» (автору, художнику), т.е. живой личности. Изображение показывает вовсе не относительность, а абсолютность события, нуждающегося в запечатлении, а затем и восстановлении его «причины живой, личной»⁴.

Точно так же, как и произведение, любая мысль должна быть сохранена для потомков, это хранилище мысли и есть язык. Отсюда критерий «совершенства языка» в его «способности служить орудием памяти»⁵, в том, что всякое понятие и представление должно быть зримо и сохранено для будущего воскрешения.

Несмотря на предстоящий целостный образ Музея как проекта Воскрешения та настойчивость, с которой федоровская мысль каждый раз стремится к завершающему ее образу воскрешения, производит особого вида фрагментарность, приводящую разные способы отклика на идеи современности к единому знаменателю. Истина не выводится из посылок, а сразу усматривается в положении дел. В отталкивании от других мыслей она неизменно соизмеряется со своей противоположностью.

Таково рассуждение Федорова об идеографическом письме. Письмо вообще рассматривается философом как средство фиксации следов жизни для ее последующего воссоздания-воскрешения. Но письмо – это одновременно и сама жизнь (такова логика федоровской мысли: никакое явление не понимается только в изолированном абстрактном инструментальном значении). Отсюда, как любой живой организм, оно проходит определенные стадии: «В истории письма есть три периода или два перехода: от *благоговейно чтимого* к *уважаемому* и отсюда – к *презираемому*; это история устава, полуустава и скорописи. Если первый с таким же благоговением пишется, с каким и читается, то последний есть выражение небрежности в том и другом» [4, с. 215]. Развитие скорописи связывается Федоровым с неизбежным ускорением в дурной бесконечности жизни, утратившей свой истинный ориентир – победу над смертью. Соответственно, живописное письмо – идеографическое и иероглифическое – есть символическое выражение жизни в слове, или «многое в малом»⁶.

«Китайское письмо не есть ли идейная живопись и языки вообще – не символическая ли поэзия?»⁷ – вопрошает философ. И действительно, материальное выражение мысли, ее *живописная* форма (в противоположность отвлеченной, абстрактной форме фонетического письма, а также скорописи, утратившей ценность единичного выражения, *телесности*, в пользу немого знака), есть символический путь этой мысли в живой жизни к воскрешению. Однако

⁴ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 433.

⁵ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 451.

⁶ Ср.: «Все вынуждено иметь, да все и должно иметь свое символическое, образное выражение, содержащее многое в малом» [4, с. 216].

⁷ Там же. С. 161.

философская традиция игнорирует этот путь. Отвлеченное понятие противоречит осуществлению телесности мысли и ее непосредственному представлению в символической форме, когда слово и действие суть одно.

Сама эволюция сознания от «области *представления* в область *мышления*»⁸ идет от Сократа. Это путь развития абстрактного мышления. Федоров полагал, что «в наше же время сознание должно перейти (и даже переходит) от сократовской области понятий, но не отрекаясь от нее, к более древней области представлений, но представлений, объединенных в одно целое (астрономию конкретную)»⁹, когда образ вещи заключал в себе не абстрактную идею, а саму вещь, в ее телесности, следовательно, взыскующей бессмертия. Такая синтетическая мысль видится философом в символическом единстве проекта воскрешения и его непосредственного осуществления. Но традиционное философское мышление «относится отрицательно к внешнему выражению, будет ли это художественное восстановление, т.е. Музей, или действительное Воскрешение. Мышление отрицает иконы и обряды и все телесное»¹⁰. Этой телесности, материальности, недостает мышлению, чтобы оторваться от поверхности и перейти к самим вещам, сохранившим в своем изначальном положении ростки бессмертия¹¹.

Федоров возвращает телесность в гуманитарное знание, выстраивая каждую часть своего рассуждения отдельным «иероглифическим» (идеографическим) фрагментом целого письма, сотканного из откликов на важнейшие идеи мировой философии, откликов, которые с неизбежностью ведут к корням философии, некогда ставшей искусством примирения с небытием¹². В федоровском проекте изначальное должно соединиться с преобразенным в языке как хранилище живой мысли.

Мысль и ее языковое выражение есть для Федорова символ общего дела воскрешения, и в этом она материальна, имеет конкретные очертания. Телесность мысли состоит еще и в том, что она, принадлежа самой жизни, не имеет авторства, не привязана к конкретному сочинению, последовательно ее доказывающему, она вообще в доказательствах не нуждается, поскольку сама веще-

⁸ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 255.

⁹ Там же. По аналогии с досократовской философией природы (или «астрономической» философией, по Федорову).

¹⁰ Там же. С. 256.

¹¹ Думается, такое понимание телесности, материальности проявлено в идеях Владимира Соловьева, сохранивших явный след федоровской мысли: «Безусловное отчуждение нравственного начала от материального бытия пагубно никак не для последнего, а для первого. Самое существование нравственного порядка в мире предполагает связь его с порядком материальным, некоторую координацию между ними. <...> Когда, благодаря успехам прикладных наук, мы победим, как думают иные оптимисты, не только пространство и время, но и самую смерть, тогда существование нравственной жизни в мире (на основе материальной) будет окончательно обеспечено...» [6, с. 75–76].

¹² См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 256.

ственна и очевидна¹³. Автор ее важен в ином, высшем смысле: по следам его идей будущие поколения смогут провести работу для его воскрешения.

Таковы живописные фрагменты самого философа, не последовательно доказывающего истину, а рисуящего эскизы будущего дела и тем самым это дело осуществляющего (поскольку эскиз, в отличие от теоретического рассуждения, – это первый этап самой деятельности).

Важно отметить, что такой эскиз у Федорова представлен в *движении*, запечатлевшем движение самой мысли. Так, обозревая европейскую традицию мышления, он отмечает, что мысль, абстрагирующаяся от телесности, вещиственности, даже в себе самой «находит еще нечто сложное, различное, замечает в ... мышлении ... некоторое движение и, считая все это остатком телесности, отрицает его и тогда приходит к чистому единству, т.е. к небытию»¹⁴. Здесь у Федорова представлено символическое изображение развития мысли как живого существа, мятущегося, отрицающего самое себя и в этом отрицании оправдывающего оцепенение смерти¹⁵. Напротив, «восстановление тела не как уз, а как орудия разумной воли»¹⁶, предполагает принципиальную незавершенность проекта, где не столько восстановление телесности будет самоцелью, сколько бессмертное движение разумной воли.

Таков же символический образ триединства в противоположность «чистому единству» как неподвижности и небытия. Неслиянность и нераздельность Троицы не понятие и абстрактная идея, но то «многое в малом», руководствуясь которым человечеству предстоит восстановить жизни всех, когда-либо живших¹⁷.

Такая концентрация вещества в федоровской мысли неизбежно создает ощущение недосказанности, фрагментарности и даже принципиальной незавершенности проекта как целого. Лев Шестов отмечал известную неполноту выражения федоровской мысли как отсутствие *прямолинейности*, столь же

¹³ Здесь предвосхищается во многом развитие языка художественной прозы XX столетия, в частности языка А. Платонова и его героев (вспоминается знаменитое федоровское обращение к «ученым» от «неученым»). Интересен, в частности, платоновский мотив питания неорганической пищей (метафора предельной материальности пищи): «Платонов пытается в своих произведениях реализовать пророчество Н.Ф. Федорова: “Самое питание, еда обратится в творческий процесс воссоздания себя из веществ элементарных”. За этой надеждой скрывается более глобальная платоновская идея – о создании живой материи из неживой, т. е. возможности превращения мертвого в живое» [7, с. 68]. И не метафорически, а реально сама федоровская мысль показывает этот путь «превращения мертвого в живое» – через осознание вещественности, телесности слова.

¹⁴ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 256.

¹⁵ Такое телесное изображение мысли впоследствии было воспринято, например, Львом Шестовым, в произведениях которого Логос и Разум предстают почти одушевленными персонажами, посягающими на боговдохновенную сущность мира.

¹⁶ См.: Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 256.

¹⁷ Е.М. Титаренко отмечает, что Федоров «был близок к пониманию творения как ипостасного кенотического акта Бога» (см.: Титаренко Е.М. Власть и ритуал: эстетика обряда венчания на царство в трактовке Н.Ф. Федорова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 179 [8]).

свойственное и его собственным сочинениям¹⁸. Фрагментарность неизбежна, когда цель размышления – не доказательство, не победа в споре, не «законченная теодицея»¹⁹, а живая, воскрешающая мысль.

Федоровская *телесность* мысли есть одновременно живописный образ, осязаемая в мысли архитектурная форма и самая суть учения, в котором дано направление общего дела. Такая мысль не может быть представлена последовательным логическим доказательством, выведением одного из другого. Каждая мысль, напротив, берется целиком и сразу. Этим она подобна понятийным отношениям в языке, представляющим собой хотя и целостную, но не завершаемую систему. И в то же время она предстает как фрагмент, осколок нуждающегося в воссоздании мира. Живописные очертания слова в то же время показывают эскиз для восстановительной работы. Священное действие слова, его воскресительная сила возможны только в таком понимании, если в слове не угашается его творческая потенция, если оно подобно изначальному *Да будет*.

Список литературы

1. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. 744 с.
2. Семенова С., Гачева А. Философ будущего века (личность, учение, судьба идей) // Федоров Н.Ф.: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. С. 5–94.
3. Козловская Н.В. Терминосистема Н.Ф. Федорова как объект персональной энциклопедии философа // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 154–165.
4. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. 544 с.
5. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–316.
6. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
7. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПУ, 1995. 96 с.
8. Титаренко Е.М. Власть и ритуал: эстетика обряда венчания на царство в трактовке Н.Ф. Федорова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 178–190.
9. Шестов Л. Н.Ф. Федоров // Н.Ф. Федоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 1 / подгот. текста А.Г. Гачева и С.Г. Семенова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. С. 714–716.
10. Шестов Лев. Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Лев. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 17–312.

References

1. Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997. 744 p.
2. Semenova, S., Gacheva, A. *Filosof budushchego veka (lichnost', uchenie, sud'ba idey)* [The philosopher of the future century (personality, teaching, fate of ideas)], in *Fedorov N.F.: Pro et contra. Book 1*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2004, pp. 5–94.

¹⁸ См.: Шестов Л. Н.Ф. Федоров // Н.Ф. Федоров: pro et contra. В 2 кн. / подгот. А.Г. Гачева и С.Г. Семенова. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. С. 716 [9].

¹⁹ Судьба человека как форма его мысли подчеркивается Львом Шестовым, и из этой формы выводится сама задача философии: «Какова же задача философии – исследовать ли смысл целого и искать во что бы то ни стало законченной теодицеи, по образцу Лейбница и других прославленных мудрецов, или выслеживать до конца судьбы отдельных людей, иными словами – задавать такие вопросы, которые исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов?» [10, с. 153].

3. Kozlovskaya, N.V. Terminosistema N.F. Fedorova kak ob'ekt personal'noy entsiklopedii filozofa [N.F. Fedorov's term system as an object of reflection in the personal encyclopedia], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 2(66), pp. 154–165.
4. Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995. 544 p.
5. Bergson, H. Materiya i pamyat' [Matter and Memory], in Bergson, H. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Moskovskiy klub, 1992, pp. 160–316.
6. Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 701 p.
7. Malygina, N.M. *Khudozhestvennyy mir Andrey Platonova* [The poetic universe of Andrey Platonov]. Moscow: MPU, 1995. 96 p.
8. Titarenko, E.M. Vlast' i ritual: estetika obryada venchaniya na tsarstvo v traktovke N.F. Fedorova [Reign and ritual: crowning of the tsaraesthetics in the interpretation of N.F. Fyodorov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 2(66), pp. 178–190.
9. Shestov, L. N.F. Fedorov, in *Fedorov N.F.: Pro et Contra. In 2 book, book 1*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2004, pp. 714–716.
10. Shestov, Lev. Potestas clavium, in Shestov, Lev. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 17–312.